Ю.В.Доманский

ФУТБОЛ-86: ДВЕ ЛЕНИНГРАДСКИЕ ФУТБОЛЬНЫЕ ПОЭМЫ 1986 ГОДА («ФУТБОЛ» ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА И «ДЕНЬ “ЗЕНИТА”» ГЕННАДИЯ ГРИГОРЬЕВА)

Делается попытка сопоставить созданные в 1986 году в Ленинграде две футбольные поэмы поэтов-однофамильцев — «Футбол» Олега Григорьева и «День “Зенита”» Геннадия Григорьева. Выявляется, что в лирическом мире Олега Григорьева футбол это сам мир со всеми его нюансами: с героями и злодеями, с прошлым (часто прекрасным) и настоящим (явно уступающим прошлому), с травмами и артистизмом, с трагедиями и кумирами; Олег Григорьев смотрит на футбол и, соответственно, на мир словно сверху, даёт общий план и текущего момента, и истории футбола (и реальной, и мифологической), но вместе с тем, отчётливо воссоздаёт мироощущение человека своей эпохи. Геннадий Григорьев более конкретен — он смотрит словно изнутри: с трибуны, с околостадийного пространства, показывает один конкретный футбольный эпизод, но и здесь перед нами мироощущение человека середины 80-х годов прошлого века. В обеих поэмах футбол становится тем универсальным способом, который позволяет передать мысли авторов о состоянии мира и о состоянии человека в этом мире, а прежде всего — о своём собственном состоянии, ведь обе поэмы являют собой образцы лирического рода литературы.

Ключевые слова: ленинградская неподцензурная поэзия, футбол, Олег Григорьев, Геннадий Григорьев, 1986 год

В мае 1986 года Еженедельник «Футбол-хоккей» отреагировал на победу киевского «Динамо» в финале престижного европейского Кубка обладателей кубков над мадридским «Атлетико» публикацией стихотворением поэта Анатолия Зайца:

Мы долго ждали срока,
Вздохали сколько раз:
Когда ж опять Европа
В финале
Встретит нас?
О том мечтать мы любим,
И отмечаем грусть:
Не сборной пусть,
А клубом,
Пока не сборной пусть...
Выходят к центру прямо
Под шум знамён и крик
Атлеты из «Динамо».
«Атлетико» Мадрид!
Теперь уж — или-или.
Тревожен стрелок ход.
Но мимо бьёт Да Сильва,
Заваров точно бьёт.
Друзья бегут: союза
Прочнее не дано!
Скандируют французы
«Динамо» —
«Ди-на-мо!»
Один, восторг изведав,
В цветастом козырьке
Кричит в эфир: «Победа!» —
На русском языке.
Не потускнеют даты
Среди иных времён —
Париж
В шестидесятом
И вот теперь — Лион.
Надолго ты запомнишь
Мяча хрустальный звон.
В весеннем шуме полночь,
Лионский стадион [1].

И не удивительно, что именно в 1986 году в нашей стране появились литературные художественные произведения о самой главной игре с мячом, ведь этот год был для советского футбола знаковым: как уже было сказано, киевское «Динамо» (чемпион страны и в 85-м, и в 86-м годах) выиграло европейский Кубок обладателей кубков; в первой же игре на Чемпионате мира в Мексике наша сборная (составленная преимущественно из игроков всё того же «Динамо» из украинской столицы и ведомая тренером киевлян Валерием Лобановским) победила венгров с неприличным счётом 6:0, все верили, что эта сборная дойдёт до финала, и только кошмарное (и, вероятнее всего, предвзятое) судейство шведа Фредрикссона в матче с Бельгией не позволило сборной Советского Союза выйти дальше из 1/8 финала; а 11 октября на парижском стадионе «Парк де Пренс» сборная СССР со счётом 2:0 победила хозяев поля, французов, двумя годами ранее ставших чемпионами Европы на том же стадионе и с тем же самым капитаном — великим Мишелем Платини; и по итогам 1986 года киевский динамовец и игрок сборной страны Игорь Беланов стал обладателем «Золотого мяча» как лучший футболист Европы. В мире же 1986 год — год Диего Марадоны, гения футбола: ведомая Марадоной сборная Аргентины в 1986-м во второй и на данный момент в последний раз выиграла Чемпионат мира. Конечно, отечественная поэзия не могла не откликнуться на такое обилие футбольных событий. И в ленинградской неподцензурной (или, если угодно, «второй», как её иногда принято называть) поэзии два поэта, однофамильцы Олег и Геннадий Григорьевы, именно в 1986 году создали свои замечательные футбольные поэмы; Олег Григорьев поэму «Футбол», Геннадий Григорьев — «День “Зенита”».

О поэзии Олега Григорьева филологи написали уже довольно много: помимо известной монографии [2], укажем на некоторые статьи; правда, большинство из них рассматривают те или иные грани поэзии Григорьева, связанные с детством (как в его актуализации, так и в нарочитой редукации) и / или с традицией авангарда (как вообще, так и относительно отдельных его представителей) [3-15]. О поэзии однофамильца Олега Григорьева — Геннадия ещё только начинают писать литературоведы; пока ещё — в контексте более именитых авторов [16]. Наша задача — попытаться сопоставить созданные в один год в одном городе две футбольные поэмы поэтов-однофамильцев.

Начнём с того, что в обеих поэмах оказалось задействовано имя Марадоны, что совсем не должно удивлять, ведь, как уже было сказано выше, футбольный 1986-й можно с полным на то правом назвать годом великого аргентинца. Оба Григорьева помещают Марадону в сильные позиции своих поэм. Поэма Олега Григорьева, как сказано в сильной позиции начала текста, «Посвящается Диего Арманде Марадоне» [Здесь и далее текст поэмы Олега Григорьева цит. по: 17]; Геннадий Григорьев одним из четырёх эпитафий «Дня “Зенита”» ставит цитату из Марадоны: «Джон Леннон как-то выразился в том смысле, что еще неизвестно, что погибнет раньше; христианство или рок. Может быть, исчезнет и то и другое. Но люди всегда, даже за час до конца света, будут играть в футбол и смотреть футбол (Из интервью Диего Армандо Марадоны еженедельнику “Франс-футбол”» [Здесь и далее текст поэмы Геннадия Григорьева цит. по: 18; правда, в этом издании поэма напечатана в несколько сокращённом виде, так, например, из четырёх эпитафий к поэме приводится только два (два стиха из Глеба Горбовского о том, что Бунин «футбол третировал», и кричалка фанатов «Зенита»), тогда как цитаты из газеты «Ленинградская правда» о «безобразном поведении» болельщиков, располагающихся на 33-м секторе, и приведённая выше цитата из интервью Диего Марадоны отсутствуют; отсутствуют и некоторые сегменты из основного текста; в связи с этим некоторые цитаты из поэмы «День “Зенита”» корректировались по открытым сетевым источникам]. В «Футболе» Олега Григорьева Марадона оказывается своего рода лейтмотивом, присутствуя на протяжении всего произведения. И это при том, что время поэмы на антропонимическом уровне соединяет в себе и футбольных героев прошлого, и современников автора: Пеле, Круифф, Герд Мюллер, Ривелино, Рейсенбринк, Хенто, Шнеллингер, Гарринча, Эйсейбио, Бекенбауэр, Пушкаш, Яшин, Стрельцов, Бутусов, Бобров и др. соседствуют с Марадоной, Платини, Росси, Бонекон, Руммениге, Сократесом, Блохиным, Белановым... Многочисленные имена футболистов XX века возникают по всему тексту — и списками, и отдельными проявлениями. За многим именами стоят какие-то конкретные истории, а порою подключается и история большая; правда, в виде псевдоисторических экскурсов в давнее прошлое — библейское («Коротал, наверно, Бог // С молодым Адамом время, // Подавая мяч в Эдеме»), древнегреческое («В Древней Греции играли // Дутым бычьим пузырьём, // Черепа врагов вгоняли // В городских ворот проём»), древнекитайское («В царстве Хань до нашей эры // Был футбол — игра Чжу-Кень») и, наконец, британское («Как ни странно, все законы // Где, когда и как играть, // Чётко вывели мasons — // Не игра, а благодать! »). Однако есть и конкретные случаи из действительной истории футбола, из игры и жизни футболистов. Например, почти в самом начале «Футбола» прямая отсылка к знаменитому голу, который Марадона забил рукой: «Дознаётся ИНТЕРПОЛ, // Кулаком ли вбил он гол?». Или описание одного из голов Пеле:

Помню гол феноменальный:
В продолженье свистка
Дал судья свисток финальный —
Пнул Пеле издалека,
И пока звучал свисток,
Мяч спокойно в сетку лёг.

Или то, что случилось в итоге со Львом Яшиным: «Лев играл подобно Богу, // А ему отняли ногу».

Многие микросюжеты поэмы Олега Григорьева связаны с травмами футболистов. Уже второе четверостишие про это:

Сквозь защиту парень рвётся
Может, будущий Пеле...
Жаль, сшивать его придётся
Под морфином на столе.

Хотя отнюдь не отрицается и артистический элемент при падениях и столкновениях; в интерпретации Олега Григорьева сам Марадона не чужд такого рода показательным выступлениям: «Марадону валят с ног, // Он кривляется, контужен: // Чем талантливей игрок, // Тем ему, понятно, хуже». А при описании поведения Олега Блохина даже используется архаическая лексика:

Блохину поддели ногу,
Но вотще взывал он к Богу.
Думали, что опочил.
Но свисток — и он вскочил.

Впрочем, в футболе бывают и куда как более печальные случаи, в результате чего рождаются поэтические обобщения («Вывих, снос, нокаут, травма — // Вот такой пошёл футбол») и даже гиперболы («В морг отправлен правый крайний, // Этот случай, правда, крайний»).

Не обходятся стороной и фанаты, в частности, случившаяся 29 мая 1985 года на брюссельском стадионе «Эйзель» трагедия: во время финала Кубка Чемпионов между «Ливерпулем» из одноимённого города и туринским «Ювентусом» из-за противостояния фанатов обрушилась трибуна, в результате чего погибло 39 и ранено около 600 человек, преимущественно среди погибших и раненных были итальянские болельщики. В поэме Григорьева эта ситуация преподнесена очень своеобразно — в гротесковом ключе, когда за внешней редукцией трагизма можно увидеть этого трагизма усиление:

Если в поле «Ливерпуль»,
То не надо тратить пуль,
Фаны кончили на месте
Человек примерно двести.

Всех убили, но ведь это
Нарушение этикета.
Бе-бе-бедные тифози
Шли болеть — почили в бозе.
Это траур, это горе.
Что ж всегда — мементо мори
(Минута молчания).
Но припомнится всё это:
Пострашней грядёт вендетта!

Упомянуты и болельщики советских команд:

Кто-то рядом говорит:
— Я болею за «Зенит»
— А тебе я говорю,
Что болею за «Зарю».

Вот болельщик ЦСКА
Бьёт фаната «Спартака».

Здесь стоит обратить внимания на то, какие рифмы возникают к названиям отечественных клубов; так, зная взаимоотношения фанатов армейцев и спартаковцев, зарифмовать эти команды дорогого стоит, ведь как известно, в рифмованной поэзии слова, рифмующиеся друг с другом, вступают друг с другом же в особые смысловые отношения. Вообще, что касается рифм к онимам в «Футболе» Олега Григорьева, то тут можно отдельную большую работу написать об их семантике. Вот несколько примеров: Пеле — на столе; Росси — косит; крест — Бест — ест; Хенто — фотокорреспондента; Платини — не тяни; Гарринча — суд Линча; Марадона — три миллиона; Шумахер — парикмахер; законы — Марадона; Рейсенбринк — крик; Марадона — примадонна; Пеле — на земле; «Наполи» — на поле; «Ливерпуль» — пуль; наша — Яшин; молодца — Стрельца; Бутусов — арбузы; Бобров — коров; Бобров — голов; Нетто — нету; Федотов — Дон Кихотов; Метревели — в самом деле; Слава — слава и другие.

Ближе к финалу поэмы возникает «доска почёта» из прошлого советского футбола: Яшин, Стрельцов, Бобров, Дементьев, Воронин, Сабо, Месхи, Старостин, Хомич... Тут реализуются довольно-таки устойчивые быденные стереотипы о том, как футболисты прошлого хорошо играли, а ещё, конечно же, о том, что ждёт футболиста по окончании карьеры:

Ты от травмы стал урод:
Даже двор не признаёт —
Ни поклонник, ни поклонница
Не узнают, не поклонятся.
С бормотухой из парадной
Дворник выметет злорадный.
Прачки выкупают в прачке.
Где купюр тугие пачки?
Было — перепочупали,
А теперь вот искупали,
Да... не то стекало мыло...
Как давно всё это было...

В итоге же этот пассаж неизбежно выливается в характерную для взрослого футбольного болельщика ностальгию по прежним временам и недовольство временами нынешними: «Стадионы брали с бою — // Негде яблоку упасть», «Мужики играли в поле — // Корчей не было от боли, // И трибуны уважали: // Вышли в поле — так ИГРАЛИ!», «Если травма, то без плача, // И не чмокались в засос, // А случалась неудача, // То без жалоб и без слёз», «Застоялый нынче кризис — // В смысле зрителя — настал, // Да, футбол, конечно, вырос, // Интерес, увы, пропал». Впрочем, по ходу поэмы был оптимистический момент и относительно футбола отечественного: «Вот и новый ас готов — // Русский Игорь Бе-ла-нофф». Эти строки про игрока киевского «Динамо» и сборной страны Беланова — того самого, который будет признан лучшим футболистом Европы 1986 года.

Но лейтмотивом, объединяющим всю поэму Олега Григорьева — все времена, всех упомянутых игроков — выступает Марадона. Обращения к великому аргентинцу возникают на всём протяжении текста. В начале, не считая посвящения, это, напомним, артистичное падение Марадоны и это его знаменитый гол рукой. Далее признание первенства и даже божественности Марадоны: «Первым будет Марадона // Лет ещё, наверное, пять»; «Вездесущий Марадона // Редкой стати и красоты <...> Бог живой, а тоже ранен...» Не забудем, что звёздный час Марадоны — как раз тот самый 1986-й год, когда и была создана поэма «Футбол», то есть Олег Григорьев пишет о своём современнике. И вот в какой контекст помещается аргентинец:

Марадону смело можно
В поле сравнивать с Пеле:
Тот как куб, и этот тоже
Пуп футбольный на земле.
А сравнить по славе если,
То с Битлами или с Пресли.
С Мохамедом можно тоже —
Мяч вбивал и кулаком,
Но Мохамед темнокожий
И давно сошёл притом.
Да, хорош он, нету слов.
<...>
Марадона после гола
Убегает от своих:
А не то в экстазе счастья
Расхватают на запчасти.
Да, таков он на поле,
Жаль, что где-то в «Наполи».

И финал, несмотря на предшествующую ностальгию по прежним временам, благодаря Марадоне отнюдь не выглядит пессимистичным:

Стадион дрожит от стона —
Это в поле Марадона!
Может, он спасёт футбол?
Марадона — ЭТО ГОЛ!!!

Итак, поэма Олега Григорьева «Футбол» являет собой поэтическое осмысление футбола в пространстве всего мира и в широком временном ракурсе, включающем в себя и прошлое, и настоящее. В результате получилась художественная энциклопедия футбола (энциклопедизм можно назвать общим свойством григорьевского наследия, не случайно одна из рецензий на книгу Олега Григорьева «Птица в клетке» названа «Неофициальная энциклопедия советской жизни» [19]). Можно ещё добавить, что энциклопедия эта получилась лирическая, ибо передаёт прежде всего авторское чувство, порождённое положением дел в истории и современном состоянии великой игры. Авторская картина мира реализуется через осмысление имён игроков

прошлого и настоящего, событий в футболе — на поле, на трибунах, за пределами стадиона; казалось бы, разрозненные сегменты выстраиваются в целостную картину: таким виделся футбол из 86-го года прошлого века. Но это отнюдь не попытка воссоздания объективной картины; это прежде всего, тот образ футбола, который рождается в сознании поэта, а затем трансформируется в художественный, поэтический, лирический мир; и главное в этом мире — уникальное авторское мироощущение: футбол для Олега Григорьева не сегмент окружающего мира, это — сам мир со всеми его нюансами: с героями и злодеями, с прошлым (часто прекрасным) и настоящим (явно уступающим прошлому), с травмами и артистизмом, с трагедиями и кумирами...

Теперь посмотрим на второй футбольный текст того же 1986 года от ещё одного ленинградского неподцензурного поэта — Геннадия Григорьева. «День “Зенита”» отличается от «Футбола» уже тем, что здесь перед нами не футбол вообще в его истории и современности, а один конкретный случай, буквально — одно событие: посещение субъектом и его другом матча ленинградского «Зенита» против киевского «Динамо». Историк футбола города на Неве С.Смирнов отметил, что на поэме Геннадия Григорьева «День “Зенита”», «лежит заметный отпечаток входившего тогда в моду постмодернизма. Хотя в поэме упоминаются фамилии едва ли не всех игроков чемпионского состава “Зенита” и замечательно описан матч с киевским “Динамо”, её главными героями являются не они, а болельщики команды и, в первую очередь, её фанаты из 33-го сектора. Звучит в ней и творчески переработанный автором фанатский фольклор. Однако главный пафос поэмы в другом: автору очевидно, что болельщицкая стихия не вписывается в прокрустово ложе коммунистической системы, она неосознанно противостоит ей и опасна для неё как форма неконтролируемой, пусть порой буйной и дикой, но тем более опасной народной жизни. Неслучайно поэма завершается описанием драки между фанами и милицией, а Сталину и Кирову, тоже оказавшимся в числе героев произведения, привиделось будущее с этим побоищем, и они спасаются бегством с Крестовского острова, где Сталин, якобы, предложил Миронычу построить стадион» [20, с. 54].

Но зададимся вопросом относительно того, что же за матч посетили герои поэмы Григорьева? Из поэмы мы знаем следующее: «Зенит» дома на стадионе им. С.М.Кирова принимает «Динамо» (Киев). Оговорим: если брать 1986 год, то киевляне на данный момент — чемпионы СССР (динамовцы из столицы Украины выиграли чемпионат 1985 года и, кстати, выигрывают и чемпионат 86-го), «Зенит» же экс-чемпион (ленинградцы впервые в своей истории взяли чемпионство в 84-м, чемпионат 85-го завершили на 6-м месте, чемпионат 86-го завершат на 4-м). Матч, описанный в поэме, проходит летом — на стадион от Летнего сада на «теплоходике» едут субъект, которого зовут Геннадий Григорьев — «Я это говорю вам как герой // и автор этой игровой поэмы» (это, кстати, не единственный отголосок в «Дне “Зенита”» великой поэмы Венедикта Ерофеева) и его товарищ, переводчик Абрам Колунов — под этим именем скрывается один из величайших литераторов ленинградской «второй культуры» Виктор Топоров. Вот как сам Топоров рассказывает о своём присутствии в поэме Геннадия Григорьева: «К поэме “День “Зенита”» у меня особое отношение: я в ней, наряду с самим Гешкой, с Иосифом Сталиным и Сергеем Кировым, с Ленинградом и, естественно, с “Зенитом”, — один из шести главных героев: “Ко мне постучался поэт-переводчик, в поэме он назван Абрам Колунов”. Колунов (правда, не Абрам) — единственный псевдоним, к которому я время от времени прибегаю. Да и поэма написана по следам нашего единственного в жизни совместного похода на футбол — на места в пресловутом 33-м секторе! — с одновременным (и последующим) распитием и прочими постоянными перипетиями вплоть до практически неизбежного в таких случаях мордобития. Правда, в жизни всё было ещё смешнее, чем в поэме» [21]. (В скобках ради более полного представления отношения одного прототипа поэмы к другому приведём слова Виктора Топорова о Геннадии Григорьеве: «Геннадий Григорьев был, бесспорно, лучшим поэтом своего поколения. Геннадий Григорьев на рубеже 80—90-х прошлого века был самым популярным поэтом нашего города. Геннадий Григорьев был поэтом, творчество которого в равной мере привлекало и искушенных знатоков, и широкую публику. Геннадий Григорьев был королем питерских поэтических подмостков, пока существовали сами подмостки. Наконец, Геннадий Григорьев, поэт-традиционалист, был автором нескольких шедевров любовной, философской и гражданской лирики, место которым — в самой краткой и самой взыскательной по отбору антологии отечественной поэзии» [22]).

Но продолжим о матче из поэмы. Почти до самого финального свистка держится ничья (видимо, нулевая, поскольку о голах ничего сказано не было), а эта ничья означает, что «Зенит» не получит за неё очков: «мы исчерпали свой лимит ничьих. // И новые — очков не принесут нам». Напомним, что в те поры в чемпионате СССР по футболу за победу давалось два очка (сейчас и в нашем чемпионате, и в других странах, и в международных соревнованиях даётся три), а за ничью, как и сейчас, одно, но в 1978 году был введён лимит ничьих (связано это было с тем, что некоторые команды по предварительному сговору делили очки между собой, играя вничью друг с другом дома и на выезде); начиная с 9-й, а с 1980-го года — с 11-й ничьей очки за ничьи переставали начисляться; лимит просуществовал до 1988 года включительно. В поэме Геннадия Григорьева гол «Зенита» всё-таки состоялся — в самой концовке матча ворота соперника поразил Юрий Желудков, которого, согласно всё тому же Виктору Топорову, «Гешка буквально боготворил, на которого старался походить даже внешне (тогда как тот, в свою очередь, косил под Михаила Боярского) — и феноменальные финты и удары которого на футбольном поле экстравагантный поэт не только воспевал в стихах, но и пытался повторять в литературной и повседневной жизни» [21]. Таким образом, можно заключить, что матч, описанный в «Дне “Зенита”», завершился со счётом 1:0 в пользу ленинградцев.

Из игроков в поэме Геннадия Григорьева упомянуты зенитовцы Желудков, Ларионов, Дмитриев, Бирюков, Чухлов, Баранник, Мельников, Саленко — фактически все они (кроме совсем юного Саленко) чемпионы 84-го года; киевляне Баль, Блохин, Беланов, Евтушенко, Балтача, Демьяненко, Рац — в 86-м они выиграли Кубок кубков, большинство из них выступали за сборную в Мексике на уже упомянутом Чемпионате мира. Указано в тексте поэмы и количество зрителей, присутствующих на матче — 37 тысяч. Как видим, всё предельно точно: и счёт, и фамилии футболистов, и место матча, даже — количество зрителей. Однако если брать именно 86-й год, то в том сезоне домашний матч «Зенита» с киевлянами проходил, что называется, «под крышей» — в закрытом СКК им. Ленина, поскольку была уже глубокая осень (25 ноября) и завершился поражением хозяев со счётом 0:3. Если же предположить, что описанный Геннадием Григорьевым матч состоялся когда-то ранее 86-го года или же позднее (вдруг авторская датировка поэмы не соответствует году её реального написания), то следует сказать, что в СКК (а не на стадионе имени Кирова) и, следовательно, в холодное время года «Зенит» принимал киевское «Динамо» и в сезонах 80-го (2:2), 82-го (1:3), 85-го (1:1) годов; на стадионе Кирова (и, соответственно, в тёплое время) были сыграны матчи в 81-м (1:3, 6 июня, 54 тысячи зрителей), 83-м (1:1, 27 июня, 50 тысяч зрителей), 87-м (0:1, 24 августа, 39 тысяч зрителей), 88-м (1:1, 31 августа, 61 тысяча зрителей), 89-м (2:2, 14 июля, 14 тысяч зрителей); после 1989 года «Зенит» и «Динамо» (Киев) встречались ещё только два раза — на товарищеском турнире ведущих клубов России и Украины в 2013 году.

Как видим, в перечисленных матчах ленинградцы киевлян не побеждали. Из этих встреч ближе всего к описанному в поэме матч 1983 года, когда киевляне в первом тайме открыли счёт (Блохин на 18 минуте), а зенитовцы во втором сравняли (Желудков на 56 минуте): тут и лето, и стадион имени Кирова, и количество зрителей (50 тысяч) близко к тому, что в поэме, и гол за «Зенит» забил Желудков, но всё-таки тут была не победа «Зенита», а ничья. Если же говорить о победах «Зенита» над киевским «Динамо», то с 1978 года (время введения лимита ничьих) «Зенит» только дважды побеждал киевлян на своём поле. Со счётом 1:0 матч завершился в сезоне-78 (матч проходил на стадионе имени Кирова 22 июля, гол забил Редкоус на 47 минуте, присутствовало 30 тысяч зрителей), но тут игроки на поле были по понятным причинам были совсем другие, нежели в поэме Геннадия Григорьева. И вторая домашняя победа за описываемое десятилетие была в чемпионском для Ленинграда 1984-м, тогда «Зенит» победил 2:0 (стадион имени Кирова, 2 мая, голы Дмитриев на 52-й минуте и Желудков на 76-й, 70 тысяч зрителей). Матч 78-го года, разумеется, не подходит; но не подходит и матч-84 — ни по счёту, ни по количеству зрителей; к тому же 2 мая — это почти начало сезона, только 8 тур, а вничью, чтобы исчерпать лимит, нужно было сыграть 10 матчей. Наконец, если всё-таки пытаться найти однозначно ТОТ САМЫЙ МАТЧ в истории, то тут надо помнить, что описанная игра не могла состояться до мая 1985 года — времени выхода антиалкогольного указа (то есть Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения» от 16 мая 1985 года), активно принимающего участие в «Дне “Зенита”».

Таким образом, можно смело сказать: матча, на котором были поэт Геннадий Григорьев и переводчик Абрам Колунов, не было. Хотя, разумеется, этот матч состоялся, состоялось и всё то, что этот матч окружает: дорога к стадиону на кораблике, поведение болельщиков на знаменитом 33-м секторе, пьянка в перерыве, драка фанатов с милицией после финального свистка... Всё это состоялось в художественном мире поэмы Геннадия Григорьева. И судить об этой поэме следует не по законам физической реальности, а по законам особого преломления физической реальности в реальность художественную. И такой преломленной физической реальности образца 1986 года в «Дне “Зенита”» хватает с избытком. Помимо самого футбола — того, что происходит на поле с участием игроков, названных поимённо, — тут и «теплоходик», везущий героев от Летнего сада на стадион имени Кирова; и поведение фанатов на 33-м секторе — секторе, на котором традиционно находились самые, скажем так, шумные фанаты «Зенита»: «ВОПРОС // И какой чёрт // дёрнул нас // взять билеты // на 33-й сектор?»; и фанатские кричалки и переклички, включая сюда фонетически искажённые названия команд — «ПЫХТЫКОР ТАШКЕНТ», «ХАЙРАТ ЛАМАЛАТА», «МЯСКОВСКИЙ СПИРТАК», «ХОХЛЯНСКАЯ ДИНАЯМА», «ЮВЕНТУЗ», и даже имя великого аргентинца (не забываем о 86-м годе): «СБОРНАЯ ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО МИРА С САМИМ МУРАДОНОЙ». Подключаются и культурные реалии из самых разных пластов. Например, обыгрывается тождество фамилии игрока киевлян Вадима Евтушенко с фамилией известного советского поэта: «И Евтушенко // (ведь в каждом хорошем деле // должен быть свой Евтушенко)... // И игрок сборной СССР Вадим Евтушенко...» Неожиданным образом упоминается советская оперетта — когда фанаты раскачиваются «как в матросском танце “Яблочко”», то субъект вспоминает: «...именно таким образом // создавали статисты // иллюзию волнующегося моря // при постановке оперетты “Гибель эскадры”». Сержант милиции с ироничной в данном случае — в сочетании с его званием — фамилией Майоров, отсылающей, конечно, и к знаменитым братьям-хоккеистам, рассказывает о потрясшей его книге, тем самым декларируя свой взгляд на то, каким должно быть искусство; разумеется, искусство с точки зрения сержанта должно быть правдивым:

Сержант был очарован. Он размяк.

Но в облике его возник размах.

И, взор свой от толпы отворотив,

он произнёс — то ль в трансе, то ль в печали:

«Вот вы роман “Печальный детектив”

писателя Астафьева читали?
Ни слова лжи в правдивейшем рассказе!
Герой из наших — милиционер.
Один среди убийц, подонков, мрази...
Как я среди фанатов, например.
Вот книга! Ночь проплакал я над ней.
Всё — истина, всё — в цель, ни слова — мимо.
Чтоб быть героем наших сложных дней,
в милиции служить необходимо!»

Из реалий социальных важную роль в поэме Геннадия Григорьева играет уже упомянутый антиалкогольный указ:

Я на футбол всегда беру НЗ.
Во вред себе и вопреки Указу
<...>

Указ — он нынче бьёт не в бровь, а в глаз!

Укажем и на сложные взаимоотношения любителей футбола и милиции, взаимоотношения, которым в «Дне “Зенита”» уделено много внимания — тут и упомянутый уже сержант Майоров, признающийся в ненависти к фанатам («О, как я ненавижу эти рожи // фанатов, наркоманов, крикунов!»), и драка фанатов с милицией в финале. Из реалий времён перестройки отметим, помимо антиалкогольного указа, ещё хозрасчёт — случайный собутыльник с литературным именем-отчеством Максим Максимыч, встреченный в кусте сирени (ещё одна литературная отсылка), куда Григорьев и Колунов устремились выпить в перерыве, рассказывает: «Завод наш перешёл на хозрасчёт». Здесь же — в рассказе Максима Максимыча — и характерная для людей старшего поколения критика «нынешних» времён («Да вот обидно — исчезает общность, // непраздничным каким-то стал народ»), и не менее характерная тоска по временам прежним («А было время — собирал сто тысяч // наш славный ленинградский стадион»).

Если говорить о культурных претекстах «Дня “Зенита”», то тут надо упомянуть хотя бы самые очевидные. Так, Пролог, следующий сразу после эпиграфов, и по форме (заметим, что стиховедческий разбор поэмы Геннадия Григорьева, вне всякого сомнения, должен быть интересен — нарочитая полиметрия «Дня “Зенита”» (от ямбов и хореев до то ли верлибра, то ли прозы), конечно же, обладает особой семантикой, формируя важные смыслы текста), и по событийному ряду близок к самым начальным строфам Вступления к пушкинскому «Медному всаднику»: Сталин и Киров приехали на берег залива поохотиться на уток, и Сталин говорит, что это место надо приспособить для отдыха трудящихся. А ещё раньше отсылка к поэме Пушкину выливается в прямо эксплицированную цитату (заметим, что цитируемый ниже фрагмент начинается с ещё одной цитаты из Пушкина, из «Евгения Онегина»):

Они сошлись. Веселый гомон птичий
озвучивал излучину реки,
когда, поздравив русского с добычей,
кавказец вдаль взглянул из-под руки.
Он вдаль глядел, неясной думы полн.
И перед ним, как пред Петром когда-то
река неслась широко. Бедный челн...
Вы поняли, как здесь пошла цитата?
Я полностью ее не привожу,
поскольку смысла в том не нахожу.

Конечно, данная отсылка не только подключает к смыслам поэмы Геннадия Григорьева петербургский текст русской литературы, но и позволяет прочитывать всю поэму «День “Зенита”» как очередной главу петербургского текста.

Ещё одна эксплицированная и даже атрибутированная отсылка к Пушкину, к знаменитому финалу из «Осени (Отрывка)», есть и в «основном тексте» поэмы Геннадия Григорьева — в описании пути на стадион на «теплоходике»; и эта отсылка получает здесь и библейское, и античное наполнение, что только усиливает универсальность и цитаты, и цитирующего контекста:

Куда же нам плыть? Этим дивным вопросом
во все времена задавался народ,
не веря компасам, не веря матросам,
из бочек на мачтах смотревшим вперед.
«Куда же нам плыть?» — это мучило Ноя.
«Куда же нам плыть?» — сомневался Ясон.
Куда же? Туда же, хоть время иное,
иная волна и иной горизонт!

Куда же нам плыть ради жизни и славы?
Какой нас сегодня маяк поманит?
Так Пушкин когда-то обрезал октавы:
«Куда же нам плыть?»
Мы плывем — на «Зенит»!
Но вернёмся к григорьевскому Прологу, вот его финал:
Мироныч промолчал. В минуту эту
ему виденье было. Вдалеке,
на островке, осокою поросшем,
он вдруг увидел странную толпу.
Скорее даже страшную, поскольку
исчадья ада, нечисть преисподней,
одетые в диковинные тряпки,
размахивая флагом сине-белым,
крича «ура» какому-то зениту,
рвались на штурм овального холма.

И вдруг — себя узрел! На пьедестале!
Весь бронзовый и в собственной фуражке,
своей рукой как бы благословлял он
рокочущую дикую толпу...
Он в ужасе подумал: «Нет, не наши...»
(Так были люди не похожи на
трудящихся...)
Взмахнув двумя руками,
Сергей Мироныч отогнал кошмар!

И сталинский услышал голос снова:
«А там, Серго... Да, там, куда ты смотришь,
давай с тобой построим
СТАДИОН!

Этот эпизод подключает традицию видений грядущего, а ещё традицию изображения в литературе страшных пророчеств, начиная с Апокалипсиса и заканчивая антиутопиями XX века. Правда, пророчество тут выглядит несколько ироничным, ведь страшная толпа — не захватчики, не агрессоры, а всего лишь футбольные фанаты; однако за иронией здесь можно увидеть и серьёзное — в кировской оценке этих людей: «Нет, не наши...» Деление на наших и не наших и редукция этого деления окажется актуальной ближе к финалу поэмы, где получит вполне серьёзное и, главное, универсальное решение — выйдет за пределы футбола:

Уже пора подняться над игрой,
пора решить, зачем, куда и с кем мы.
Я говорю вам это как герой
и автор этой
игровой поэмы.
Мне, может, скажут — взят не тот типаж.
Писал бы про десантников, юннатов.
Но в этот час поделен сектор наш
на милиционеров и фанатов.
Меж ними никаких контактов нет.
Но те и эти — не чужие, наши.
Фанатам в среднем по семнадцать лет.
Милиция — пятью годами старше.
И если всё же не порвётся нить,
то время всех по совести рассудит.
И если всё же будущему — быть,
оно за ними — будущее — будет.

В какой-то степени принадлежность к лагерю «наших» (или, если посмотреть с другой стороны, «не наших») в поэме Геннадия Григорьева определяется через цвет. Цвета «Зенита», как известно, сине-белоголубые. Столь сложная гамма в поэме упрощается до сине-белой; в этой версии цвета «Зенита» становятся лейтмотивом поэмы. Они возникают уже в видении Кирова, подчёркивая то, что их носители — «чужие» («размахивая флагом сине-белым»). На «теплоходике» красный флаг вдруг сменяется сине-белым (учитывая место, на котором взвился этот флаг, можно вспомнить и о сине-белом андреевском флаге, принципиально невозможном в реалиях 1986 года):

Мальчишки — все в белом и синем —
настроили магнитофон,
откуда с чудовищной силой
несётся: «“Зенит” — чемпион!»

И тесно для темы футбольной
сегодня на нашем борту.
И стяг — сине-белый, крамольный —
вдруг затрепетал на ветру.

Под рёв теплоходной сирены,
под вопли «“Зенит” — чемпион!»
никто не заметил подмены,
крамольной подмены знамен.

Заметим, что кроме красного в оппозиции к «крамольному» сине-белому оказывается ещё и серый; и не просто серый, а «вызывающе» серый. Колунов, «верный своей привычке // всегда и во всём // противопоставлять себя любому коллективу», был и одет соответствующе, из-за чего уже на секторе выделялся:

И, одетый во что-то вызывающе серое,
Абрам Колунов напоминал в разбушевавшихся волнах
тридцать третьего

обломок потерпевшей крушение
канонерки.

А вслед за сменой красного флага на сине-белый и во многом благодаря этой смене возникают уже фактически военные строки:

Равнение на знамя! На знамя!
И, словно на вражий редут,
мальчишки, что ехали с нами,
под знаменем к сходям идут.

Фанаты? Подонки? Пострелы?
Вояки? Герои? Орлы?
И курточки их сине-белы.
И шарфики сине-белы.
<...>

По шатким, пружинящим сходям
мы на берег сходим, а там —
свистят сине-белые флаги,
звенят озорные стишки.
И конспиративные фляги
заправлены за ремешки.

И всюду — фанаты, фанаты,
со всех ПэТэУ и ЖэКа...

Ах, им бы еще автоматы!
Ах, им бы еще жоака!

Ах, им бы! Ах, им бы, ах, им бы
(тогда уж, держава, держись!)
веселые, громкие гимны,
веселую, громкую жизнь!

И бой, действительно, состоялся — после финального свистка и почти уже в самом финале поэмы. И опять не обошлось без цитат из Пушкина:

Я знаю, грандиозны наши планы
И светел путь, что выбрала страна...

Они сошлись — милиция и фаны.
Волна с волною. Со стеной стена.

И грянул бой! Свистели камни, палки,
стоял какой-то сумасшедший вой...
И рыжий Онли в самом центре свалки
работал горном, словно булавой!

...Фуражку сдвинув и расправив грудь,
уверенно, одним ребром ладони
в толпе бурлящей расчищая путь,
сержант Майоров пробивался к Онли...

Но не только Пушкина и не только петербургский текст можно выделить как претексты поэмы Геннадия Григорьева. Сложно не заметить, что некоторые моменты «Дня “Зенита”» сближаются с поэмой Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки». Мы уже указали на то, что в обеих поэмах имена и фамилии героев-рассказчиков строго тождественны именам и фамилиям авторов, но есть и другие отсылки к Ерофееву: на «теплоходике» по пути на стадион «...под знаменем алым, // открыв свой пузатый портфель, // какой-то общительный малый // уже разливает портвейн»; тут и дорога, и выпивка из портфеля... Но самое ерофеевское у Геннадия Григорьева это, конечно, встречи, встречи и разговоры за совместным распитием спиртного. Так Рыжий Онли, один из лидеров 33-го сектора, объяснил значение своей «татуировочки» «много позже // в пивбаре “Пушкарь”». Две же больших и совсем ерофеевских встречи происходят в перерыве матча; мы уже упоминали эти встречи: в кусте сирени Григорьев и Колунов знакомятся и выпивают с Максимом Максимычем, а сразу после этого попадают к сержанту Майорову. Максим Максимыч раздражается двумя монологами; первый — о том, как и что надо пить и что ждать от выпитого, а параллельно — и всё о том же: о притивостоянии, о том, почему это притивостояние вообще существует:

Старик, расположившийся на газетке
всё для того, чтоб выпить-закусить,
сказал: «Да что вы держитесь за ветки!
Извольте куст немедленно прикрыть.
Берите кильки, хлеб намажьте маслом...
да, я забыл представиться... Максим
Максимович... хоть в детстве звали Максом...
Максим Максимыч!... И доволен сим.
А вас?.. Прекрасно! Чрезвычайно рад...
Ну что же вы? Уже налито по сто!
Давайте выпьем оптом: за знакомство,
«Зенит» и столичный город Ленинград...
Коньяк?.. Прекрасно! Мы его — с агдамом!
Нам в самый раз сейчас хлебнуть «ерша»...
«Ёрш» — он силен не вкусом — пополамом.
От пополама в пляс идёт душа!
Вот я — Максим, ты — Гена, он — Абрам.
У вас коньяк, а у меня агдам.
Хотя не в этом суть — пускай мадера! —
я это для конкретности примера...
Но важно, что возможен пополам!
И он один — для милиционера
и для мальчишек этих:
стыд и срам! Чего они орут? Какого хера?..
Ни милиционер, ни юный хам
не знают, что во всём должна быть мера.
Им просто недоступен пополам!»

Второй же монолог Максима Максимыча мы отчасти уже затрагивали — там, как и положено в концепции мира не очень молодого человека, связанные друг с другом критика настоящего и тоска по прошлому:

«Завод наш, перейдя на хозрасчет,
день ото дня наращивает мощность.
Я лично проверял — она растёт!
Да вот обидно — исчезает общность,
непраздничным каким-то стал народ.
Милиции — ей что? Схватить и высечь!
Да из кармана вытащить флакон.

А было время — собирал сто тысяч
наш славный ленинградский стадион!

Вот то-то шуму было над заливом!
И в ресторане было, и в кафе.
И, если хочешь, хоть залейся пивом.
И все сто тысяч были — подшофе.
Нет, я не призываю к беспорядкам,
но ведь подохнуть можно же с тоски...
Вот люди и расходятся по хаткам.
Всё — не по-русски, всё не по-людски...»

Когда же появляется сержант Майоров, пытающийся привлечь Григорьева и Колунова (Максим Максимыч уже «был таков», едва «заслышав шум шагов») за распитие в общественных местах, Колунов начинает реализовывать одну из ипостасей ерофеевского Вени — его Шахерезаду, рассказывающую, чтобы не платить штраф за безбилетный проезд, ревизору Семёнычу, редчайшему бабнику и утописту, эротическую историю мира. Колунов перед сержантом оказывается такой Шахерезадой, и реакция Майорова очень похожа на реакцию Семёныча:

Но тут Абрам такую чушь понес!..
О том, что нету должного калибра,
о трудных судьбах русского верлибра
и что взрывоопасен стадион..
И разъяснил про роль центуриона
и в наше время, и во время оно,
и справку дал, что есть центурион.

Сержант был очарован. Он размяк.
Но в облике его возник размах.

И тут сержант Майоров как раз и рассуждает о «Печальном детективе» Виктора Астафьева, на что мы уже указывали. Финал же этой встречи выглядит уже как финал другой литературной встречи — между поэтом Владимиром Маяковским и солнцем из стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», когда стороны находят компромисс, исходя из своих прямых обязанностей. Майоров говорит:

«Мне кажется, мы с вами в чем-то схожи,
товарищ переводчик Колунов!
И ваше дело непростое вроде...
Мы оба — на ответственных постах:
я — при народе, вы — при переводе.
И чтоб ни-ни — в общественных местах»

И очень по-ерофеевски выглядит описание реакции одного из болельщиков на победный гол «Зенита»
И мальчонка,
сидевший рядом с нами,
вдруг сбросил с себя
сине-белую курточку,
и упали вниз
полы семинаристской рясы,
и блеснул в мальчишеских руках крест,
и еще неломанный,

еще неломанный мальчишеский дискант
вывел над внезапно притихшим сектором:

«БОЖЕ, «ЗЕНИТ» ХРАНИ...»

Это не единственное в поэме Геннадия Григорьева упоминание Бога. У Олега Григорьева в поэме «Футбол», напомним, Лев Яшин «играл подобно Богу», Марадона был назван «Бог живой»... У Геннадия Григорьева в «Дне “Зенита”» Богом оказывается «Зенит»:

Нету бога, кроме бога,
если этот бог — «Зенит»
<...>

Ведь нам для счастья нужно так немного —
не пресекалась бы полоса удач...
Пусть нам оставят хоть такого бога.

Несмотря на различие в атрибуции Бога двумя поэтами, следует отметить, что оба они всё-таки вводят Бога в свои футбольные поэмы. И здесь уже можно попытаться соотнести футбольные поэмы двух Григорьевых. Очевидно, что современный авторам футбольный контекст образца 1986-го года формирует художественный мир обеих поэм. Для обоих поэтов футбол — повод поговорить о мире и о себе, но то, что это лишь повод, нисколько не умаляет величие футбола в художественных интерпретациях двух поэтов. Олег Григорьев смотрит на футбол и мир словно сверху, даёт общий план и текущего момента, и истории футбола (и реальной, и мифологической), но вместе с тем, отчётливо воссоздаёт мироощущение человека своей эпохи; Геннадий Григорьев более конкретен — он смотрит словно изнутри: с трибуны, с околостадийного пространства, а в плане времени показывается один конкретный футбольный эпизод, но и здесь перед нами мироощущение человека середины 80-х годов прошлого века, активно опирающееся на разнообразные культурные претексты. Однако несмотря на привязку обеих поэм к конкретному историческому времени, обе они универсальны. И футбол становится тем универсальным способом, который позволяет передать взгляд авторов на состояние мира и на состояние человека в этом мире, а прежде всего — на своё собственное состояние, ведь в обоих случаях перед нами всё-таки лирика. Таким образом, можно сказать, что случившиеся в знаковом для нашего футбола 1986 году лирические обращения Олега и Геннадия Григорьевых к великой игре позволили им художественно осмыслить и мир, и себя, а главное — донести это осмысление до читателя.

Пройдёт десяток лет после того самого 86-го, и Геннадий Григорьев напишет ещё одну поэму о футболе, ещё более личную: несмотря на то, что Геннадий Григорьев ленинградец, петербуржец, поэма эта называется «Мы болеем за “Спартак”». Олега Григорьева к тому времени уже не будет среди живых; по поводу его ухода в 1992-м году Геннадий Григорьев напишет:

Вновь поэт, не допив, не доспорив,
взял и смылся за грань бытия.

Это плохо, что умер Григорьев...

Хорошо, что Олег, а не я!

Самого же Геннадия Григорьева не станет в 2007-м. Именно в этом году петербургский «Зенит» станет вновь чемпионом страны — впервые после 1984 года; только случится это уже после ухода поэта.

1. Футбол-Хоккей. 1986. № 19.
2. Хворостьянова Е.В. Поэтика Олега Григорьева. СПб: Гуманитарная Академия, 2002. 160 с.
3. Губайдуллина А.Н. Онтология и деонтология детства в лирике Олега Григорьева // Детские чтения. 2014. Т. 5. № 1. СПб: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. С. 174-190.
4. Дерябина Е.П. Традиции обэриутов в детских стихах Олега Григорьева [Электр. ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 6(18). URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1482829> (дата обращения: 01.09.2020).
5. Житнев А.А. Эстетика и поэтика черного юмора: лирика О.Григорьева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 39-42.
6. Зайцева Н.В. Приемы создания игровой поэтической реальности в детских стихотворениях Олега Григорьева // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 2-х ч. Ч. 1. Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2017. С. 43-49.
7. Козлова С., Куляпин А. Отцы и дети в мире «чёрного юмора»: Д.Хармс и О.Григорьев // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск: Изд. ТГУ, 2008. № 9. С. 92-109.
8. Лекманов О.А. Олег Григорьев и ОБЭРИУ: к постановке проблемы // Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX—XXI веков и современные литературные стратегии» (Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Москва, 16—19 мая 2003 г.). Москва: 2004. С. 59.
9. Летохо Е.В. Трагикомические мотивы в поэзии Олега Григорьева для детей // Книга в культуре детства. Москва: Литера, 2018. Т. 2. С. 177-181.
10. Леухина А.В. Особенности поэтики и эстетики литературного примитивизма // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5/1(64). С. 17-23.
11. Литягин А.А. Детские писатели как диссиденты // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. Москва: ОГИ, 2003. С. 254-263.
12. Литягин А.А. Школа и школьник в детской поэзии 1960—1970-х годов // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. Москва: ОГИ, 2003. С. 429-440.
13. Никитина С.А., Скулачев А.А. Комическое и трагическое в творчестве Олега Григорьева и Александра Введенского: опыт сопоставительного анализа // «Человек смеющийся» в литературном произведении и в современной культуре: Материалы Пятой гуманитарной конференции. Записки школы понимания. Вып. 5. / Сост. и ред. С.П.Лавлинский. Москва: [б. и.], 2010. С. 60-65.
14. Севрюгин В. Олег Григорьев. Стихи для детей // Первое сентября. 2005. № 36.
15. Трошина А.П. Дети и взрослые в книге Олега Григорьева «Чудаки» // LITTERATERRA: Материалы IV Международной конференции молодых ученых / Гл. ред. И.А.Семухина. Екатеринбург: УрГУ, 2015. С. 75-79.
16. Степанов А.Г. О переключках у ленинградских поэтов 1970-х: Г.А.Григорьев и И.А.Бродский // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика: сборник статей к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 71-80.
17. Григорьев О. Футбол // Григорьев О. Птица в клетке. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С. 231-241.
18. Григорьев Г. День «Зенита» // Григорьев Г. Небо на ремонте. СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2018. С. 179-203.
19. Нестеренко М. Неофициальная энциклопедия советской жизни // Prosodia. 2016. № 4. С. 55-58.
20. Смирнов С. Петербургский футбол как феномен петербургской культуры: монография. СПб.: Книжный Дом, 2010. 112 с.

21. Топоров В. О злодеях и героях в поэме «День “Зенита”» (24.08.2009). [Электр. ресурс]: URL: <https://online812.ru/2009/08/24/009/> (дата обращения: 21.08.2020).
22. Артеменко Галина. Памяти «безнадежно живого» Геннадия Григорьева. 18 июля 2018. [Электр. ресурс]: URL: <https://mr-7.ru/articles/186322/> (дата обращения: 21.08.2020).

References

1. Futbol-Khokkey [Football-Hockey]. 1986. № 19.
2. Khvorost'yanova E.V. Poetika Olega Grigor'eva [The Poetry of Oleg Grigoriev]. St. Petersburg, 2002. 160 p.
3. Gubaydullina A.N. Ontologiya i deontologiya detstva v lirike Olega Grigor'eva [Ontology and deontology of childhood in the lyrics of Oleg Grigoriev]. *Detskie chteniya*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 174-190.
4. Deryabina E.P. Traditsii oberiutov v detskikh stikhakh Olega Grigor'eva [The tradition of the oberiuts in the children's poetry of Oleg Grigoriev]. *Memoirs of NovSU*, 2018, no. 6(18). Available at: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1482829> (accessed: 01.09.2020).
5. Zhitenev A.A. Estetika i poetika chernogo yumora: lirika O.Grigor'eva [Aesthetics and poetics of black humor: O. Grigoriev's lyrics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2009, no. 1, pp. 39-42.
6. Zaytseva N.V. Priemy sozdaniya igrovoy poeticheskoy real'nosti v detskikh stikhotvoreniyakh Olega Grigor'eva [Methods of creation of game poetic reality in children's poems of Oleg Grigoriev]. *Proc. of "Russkiy yazyk i literatura v multikul'turnom prostranstve"* in 2 vols, vol. 1. *Komsomol'sk-na-Amure*, 2017, pp. 43-49.
7. Kozlova S., Kulyapin A. Ottsy i deti v mire "chernogo yumora": D.Khams i O.Grigor'ev [Fathers and children in the world of "black humour": D. Khams and O. Grigoriev]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog*. Tomsk, 2008, no. 9, pp. 92-109.
8. Lekmanov O.A. Oleg Grigor'ev i OBERIU: k postanovke problemy [Oleg Grigoriev and OBERIU: towards a problem statement]. *Poetika iskaniy, ili Poisk poetiki: Proc. of "Poeticheskyy yazyk rubezha XX—XXI vekov i sovremennyye literaturnyye strategii"*. Moscow, 2004, p. 59.
9. Letokho E.V. Tragikomicheskie motivy v poezii Olega Grigor'eva dlya detey [Sad and funny motives in the poetry of Oleg Grigoriev for children]. *Kniga v kul'ture detstva*. Moscow, 2018, vol. 2, pp. 177-181.
10. Leukhina A.V. Osobennosti poetiki i estetiki literaturnogo primitivizma [Peculiarities of poetics and aesthetics of literary primitivism]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 5/1(64), pp. 17-23.
11. Lityagin A.A. Detskie pisateli kak dissidenty [Tragicomic motifs in the poetry of Oleg Grigoriev for children]. *Detskiy sbornik: stat'i po detskoj literature i antropologii detstva*. Moscow, 2003, pp. 254-263.
12. Lityagin A.A. Shkola i shkol'nik v detskoj poezii 1960—1970-kh godov [School and schoolboy in children's poetry of the 1960s and 1970s]. *Detskiy sbornik: stat'i po detskoj literature i antropologii detstva*. Moscow, 2003, pp. 429-440.
13. Nikitina S., Skulachev A. Komicheskoe i tragicheskoe v tvorchestve Olega Grigor'eva i Aleksandra Vvedenskogo: opyt sopostavitel'nogo analiza [Comic and tragic things in the works of Oleg Grigoriev and Alexander Vvedensky: the comparative analysis]. *Proc. of "Chelovek smeyushchisya"* v literaturnom proizvedenii i v sovremennoy kul'ture". *Zapiski shkoly ponimaniya*, iss. 5. Moscow, 2010, pp. 60-65.
14. Sevryugin V. Oleg Grigor'ev. Stikhi dlya detey [Oleg Grigoriev. Poems for children]. *Pervoe sentyabrya*, 2005, no. 36.
15. Troshina A.P. Deti i vzroslye v knige Olega Grigor'eva "Chudaki" [Children and adults in Oleg Grigoriev's book 'Cranks']. *Proc. of "LITTERATERRA"*. Ekaterinburg, 2015, pp. 75-79.
16. Stepanov A.G. O pereklichkakh u leningradskikh poetov 1970-kh: G.A.Grigor'ev i I.A.Brodskiy [On similarities in the works of Leningrad poets of the 1970s: G.A.Grigoryev and I.A.Brodsky]. *Coll. of papers "Dinamicheskaya poetika / Poeticheskaya dinamika"*. Moscow, 2019, pp. 71-80.
17. Grigor'ev O. Futbol [Soccer]. Grigor'ev O. Ptitsa v kletke. St. Petersburg, 2015, pp. 231-241.
18. Grigor'ev G. Den' "Zenita" [The Day of "Zenit"]. Grigor'ev G. Nebo na remonte. St. Petersburg; Moscow, 2018, pp. 179-203.
19. Nesterenko M. Neofitsial'naya entsiklopediya sovetsoy zhizni [Unofficial encyclopedia of Soviet life]. *Prosodia*, 2016, no. 4, pp. 55-58.
20. Smirnov S. Peterburgskiy futbol kak fenomen peterburgskoy kul'tury: monografiya [St. Petersburg's soccer as a phenomenon of St. Petersburg's culture: monograph]. St. Petersburg, 2010. 112 p.
21. Toporov V. O zlodeyakh i geroyakh v poeme «Den' "Zenita"» (24.08.2009). [About villains and heroes in the poem «The Day of "Zenit"» (24.08.2009)]: Available at: <https://online812.ru/2009/08/24/009/> (accessed: 21.08.2020).
22. Artemenko Galina. Pamyati "beznadezno zhivogo" Gennadiya Grigor'eva. 18 iyulya 2018. [In memory of the "hopelessly alive" Gennady Grigoriev. July 18, 2018]: Available at: <https://mr-7.ru/articles/186322/> (accessed: 21.08.2020).

Domanskiy Yu.V. Soccer-86: two Leningrad's soccer poems of 1986 ("Soccer" by Oleg Grigoriev and "The Day of Zenit" by Gennady Grigoriev). The article attempts to compare two soccer poems created in 1986 in Leningrad by poets with the same surname — "Soccer" by Oleg Grigoriev and "The Day of Zenit" by Gennady Grigoriev. It is revealed that in the lyrical world of Oleg Grigoriev, soccer is the world itself with all its nuances: with heroes and villains, with the past (often beautiful) and the present (clearly inferior to the past), with injuries and artistry, with tragedies and idols; Oleg Grigoriev looks at soccer and, accordingly, at the world as if from above, gives a General plan of the current moment and the history of soccer (both real and mythological), but at the same time, clearly recreates the worldview of a person of his era. Gennady Grigoriev is more specific — he looks as if from the inside: from the stands, from the near-stadium space, shows one specific football episode, but even here we see the worldview of a man in the mid-80s of the last century. In both poems, soccer becomes the universal way to convey the authors' thoughts about the state of the world and the state of man in this world, and above all — about their own state, because both poems are examples of a lyrical kind of literature.

Keywords: Leningrad uncensored poetry, soccer, Oleg Grigoriev, Gennady Grigoriev, 1986.

Сведения об авторе. Юрий Викторович Доманский — доктор филологических наук, профессор; Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Институт филологии и истории, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики; ORCID: 0000-0002-7630-2270; domanskii@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Доманский Ю.В. Футбол-86: две ленинградские футбольные поэмы 1986 года («Футбол» Олега Григорьева и «День “Зенита”» Геннадия Григорьева) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 100-113. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).95-107

For citation: Domanskiy Yu.V. Soccer-86: two Leningrad's soccer poems of 1986 (“Soccer” by Oleg Grigoriev and “The Day of ‘Zenit’” by Gennady Grigoriev). Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 100-113. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).95-107